

СтСл — Старославянский словарь: По рукописям X—XI вв. / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.

PG — J. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series Graeca. Paris, 1857—1866.

Библиейские книги (по синодальному русскому переводу и по Септуагинте): Быт — книга Бытия. Иер — книга пророка Иеремии. Ин — евангелие от Иоанна. Ис — книга пророка Исаии. Лк — евангелие от Луки. Мф — евангелие от Матфея. Суд — книга Судей. Gen — Genesis. Jos — Josue. Sir — Siracides.

Р. Н. Кривко (Москва)

ИСТОРИЯ СЛОВА ПОЛИЕЛЕЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*1

(по материалам конференции)**

Изучение лексики, возникновение и употребление которой тесно связано с богослужением и с практикой церковной жизни, требует охвата широкого круга самых разнообразных источников и поэтому часто представляет немало трудностей для лексикографов и лексикологов. Показательна в этом смысле история слова *полиелей*, которое отсутствует в современных академических толковых словарях русского литературного языка, а его противоречащие друг другу дефиниции в словарях исторических и специализированных вызывают немало вопросов.

Первыми лексикографами, давшими толкование этого слова, были составители древнерусских «Азбуковников»: книжники фиксировали его в формах *ПОЛИЕЛЕОСЪ* или *ПОЛИЕЛЕО* и объясняли как *многoмилoстивoе* (или *многoмилoстивo*²). В современном русском литературном языке присутствует слово *полиелей*, однако его происхождение и семантика, судя по противоречивым словарным данным, были недостаточно ясны лексикографам уже в XIX в.: в Словаре В. И. Даля и «Словаре церковнославянского и русского языка» *полиелей* толкуется как церковный праздник³, а в специализированном «Полном церковно-славянском словаре» Г. М. Дьяченко находим, что *полиелей* — пение на утрени 134-го и 135-го псалмов. Для этого слова Г. М. Дьяченко выделил две статьи, *полмелей* и *полиелей*, в зависимости от двух возможных в данной позиции вариантов транслитерации греческой буквы *υ* «ипсилон», которая по нормам старой русской орфографии, или «по Гроту», могла в этом случае передаваться через *и* «ижицу» или *і* (*и* перед буквой гласного была невозможна).

Неоднозначно объяснялось и происхождение слова *полиелей*. И. А. Бодуэн-де-Куртенэ в подготовленных им третьем и четвертом стереотипном изданиях словаря В. И. Даля дополнил словарную статью «*Полмелѣй [полиелѣй]*» не только орфографическим вариантом (в квадратных скобках), но и этимологической справкой: [греч. *πολυέλεος*]⁴ «многомилостивый». Протоиерей

⁴⁴ Там же С. 18—19; Молдован А. М. «Слово о Законе и Благодати» Илариона. С. 83.

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант РФФИ № 00-15-98868).

** Доклад на I Международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси»

¹ Выражаю благодарность за высказанные при написании статьи советы и замечания И. Г. Добродомову, А. Н. Шаламовой, К. А. Максимовичу, М. И. Чернышевой, а также А. М. Пентковскому за ценные консультации по исторической литургике.

² Ковтун Л. С. 1) Азбуковники XVI—XVII вв.: (Старшая разновидность). Л., 1989. С. 239; 2) Лексикография в Московской Руси XVI—нач. XVII в. Л., 1975. С. 297.

³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М., 1882. Т. 3. С. 269: «средний церковный праздник, в котор. на всенощной зажигаются свечи в паникадилах». Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук. 2-е изд. Т. III. СПб., 1867. С. 686: «церковный праздник в честь некоторых святых, во время которого на всенощных бдениях зажигаются свечи в паникадилах».

Г. М. Дьяченко был менее уверен в источнике заимствования и объяснял происхождение слова либо от греческого ἔλεος «милость», либо от ἔλαιον «елей», так как во время песнопения в храме зажигаются все светильники, питающиеся также и елеем⁴. М. Р. Фасмер, исследуя греческие заимствования в древнерусском языке, также колебался в истолковании слова *полиелей*, происхождение которого сначала объяснялось им через греческое πολυέλεος «многомилостивый», а несколько десятилетий спустя — уже от греческого πολυέλαιος «(потребляющий) много масла (для освещения)». Правда, для большей убедительности последнего варианта М. Фасмеру потребовалось «скорректировать» значение греческого слова с помощью заключенных в круглые скобки уточнений⁵. Возможно, основанием для такой этимологии стали замечания А. Г. Преображенского, который считал церковнославянское *полнелей* производным все же от πολυέλαιος, пронизательно при этом усматривая связь между (церковными?) представлениями о елее и сострадании: «елейный, по мнению Горяева и Фасмера <..>, из гр. ἐλεεινός *сострадательный* <..> Это переносное значение от первонач. *маслянистый, масляный; след., умягченный*. <..> цсл. *полнелей* = гр. *πολυέλαιος*»⁶.

Г. М. Дьяченко и М. (Р). Фасмер были не единственными, кто не решался возвести русское *полиелей* к какому-либо одному греческому слову, ἔλεος или ἔλαιον, — дефиниции других словарей XIX в. отражают такие же колебания. В «Словаре Академии Российской» толкование слова *полиелей* косвенно связано с возжигаемым в церковных светильниках елеем: «Так называется пение величания в честь некоторым особенно церковью чтимым святым, за заутреню бывающее; при нем обыкновенно зажигаются светильники перед иконами»⁸. Этому толкованию в точности соответствует определение П. И. Соколова⁹. Однако у Н. Дубровского *полиелей* объясняется уже как «название 134–135 псалмов Давида, в которых воспевается милосердие Божье»¹⁰.

Очевидно, что противоречивые мнения лексикографов относительно значения и происхождения слова *полиелей* могли быть разрешены только путем непосредственного обращения к византийским и славянским богословским и литургическим текстам, что, как ни странно, до сих пор не было сделано ни одним из упомянутых лексикографов.

В патристике лексемы πολυέλεος и πολυέλαιος, возможные источники славянского *полиелей*, хотя и не часто, но встречались, однако не использовались как литургические термины и не называли ни песнопения, ни церковного праздника: прилагательное πολυέλεος было эпитетом Бога-Отца и Бога-Сына, а πολυέλαιος отмечено лишь однажды у Климента Александрийского в метафорическом употреблении со значением «дающий много масла»¹¹.

Использовавшийся в патристике помен sacrum πολυέλεος «многомилостивый» — один из неологизмов Септуагинты (см., напр.: Исх. 34, 6; Числ. 14, 18; Иоил. 2, 13; Иона 4, 2; Пс. 85, 5; Пс 85, 15)¹², языческой теологии *многомилостивый* Бог неизвестен. В древнееврейском масоретском тексте Ветхого Завета одному греческому слову πολυέλεος соответствует сочетание רַב־חֶסֶד *rab hesed*

⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Четвертое исправленное и значительно дополненное издание под редакцию проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб.; М., 1914. Т. 3. Стлб. 695.

⁵ Дьяченко Г. М. Полный церковно-славянский словарь. М., 1993 (репринт изд. 1900 г.). С. 451, 453.

⁶ Фасмер М. Р. 1) Греко-славянские этюды. III. Греческие заимствования в русском языке. СПб., 1909. С. 155. 2) Этимологический словарь русского языка. М., 1996 (3-е (стереотипное) русское изд.). Т. III. С. 309.

⁷ Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1910–1914. С. 213.

⁸ Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Т. 4. СПб., 1822. Стлб. 1467.

⁹ Соколов П. И. Общий церковно-славяно-российский словарь, или Собрание речений как отечественных, так и иностранных, в церковнославянском и российском наречиях употребляемых. СПб., 1834. Т. 2. Стлб. 641. Ср. определение П. А. Алексева, который попытался механически совместить обе этимологии: Алексеев П. А. Церковный словарь. СПб., 1818. Т. 3. С. 258–259.

¹⁰ Дубровский Н. Полный толковый словарь всех общепотребительных иностранных слов. М., 1879. С. 386.

¹¹ Lampe G.W. H. A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1961. P. 1115.

¹² A Greek-English Lexicon of the Septuagint. Comp. by J. Lust, E. Eynikel, K. Hausie. Part II. Stuttgart, 1996. P. 387.

«великий милостью»¹³ (русский Синодальный перевод: «многомилостивый»). Перевод Вульгаты — *multus misericordia*¹⁴ — ближе к древнееврейскому оригиналу синтаксически, и поэтому иначе передает содержащуюся в нем понятийную целостность, которую здесь ясно увидели создатели Септуагинты и которую наследует славянская традиция в виде прилагательного **м(ъ)ногомилостивый**.

Судя по иллюстративным примерам в Словаре русского языка XI—XVII вв. (далее: Сл.РЯ XI—XVII вв.), древнерусское слово **м(ъ)ногомилостивый** характеризовало не только божественные, но и человеческие качества: «Избавителя поем единого многомѣства. Мин. окт., 121. 1096 г.; <..> Приятель мои гсѣрь многомилостивои к нам послѣднимъ Иванъ Елизаревичъ многолѣтно здравствуи. Белозер. переп., 228. 1678 г.»¹⁵. Что касается значения и грамматической характеристики слова **многомилостиво**, как их определил составитель статьи, то они вызывают серьезные сомнения: «**Многомилостиво**, нареч. *Весьма милостиво*. Полиелеон — многомилостиво. Алф.¹, 189 об. XVII в.»¹⁶. Судя по цитате из сочинения под названием «Книга глаголемая гречески алфавит»¹⁷, в ней толкуется интересующий нас литургический термин, упомянутый и в других, более ранних древнерусских лексикографических трудах, уже называвшихся выше¹⁸.

Вызываемые формой *полиелеон* ассоциации с наречием обманчивы, так как древнегреческие наречия на -οι не оканчивались. Слово *полиелеон* нужно сопоставлять с тем, как выглядит прилагательное *πολύελεος* в соответствующих отрывках греческих Типиконов, в которых излагается последование всенощной. Наряду с именительным падежом *πολύελεος* (ἔπειτα ὁ πολύελεος εἶς ἡχον <..> «затем полиелей на глас <..>»), стандартные формулы Устава в употреблении названий песнопений допускают и винительный в том случае, если в качестве сказуемого выступает глагол *ψάλλομεν*, управляющий винительным падежом: *ψάλλομεν δὲ αὐτὸν μετὰ Ἀλληλουαρίων* «и поем его с аллилуариями»; *χρῆ γινώσκειν ὅτι ἐν πάσαις ταῖς παρασκευαῖς, ὅτε τύχη, θεὸς κύριος, ψάλλομεν πολυέλεον*¹⁹ «подобает знать, что всегда по пятницам, когда случится *Бог Господь*, поем полиелей». Сказуемое *ψάλλομεν* может опускаться, но и в этом случае названия песнопений употребляются в винительном падеже: Ἐπειτα τὸν πολυέλεον, <..> καὶ μετὰ τὸ τέλος τὴν ὑπακοήν τῆς ἑορτῆς²⁰ «затем полиелей, <..> и после его завершения — ипакоеи праздника». Следовательно, форма *полиелеон* могла оказаться в Азбуковнике XVII в. как прямое отражение греческого *πολύελεον*, распространенного в составе часто встречающихся в типиконах словосочетаний типа [*ψάλλομεν*] τὸν πολυέλεον или [*ψάλλομεν*] τὴν ὑπακοήν.

Профессор М. И. Чернышева, согласившись с предложенным здесь объяснением формы *полиелеонъ*, обратила внимание автора этой статьи и на то, что примеры употребления формы винительного падежа вместо ожидаемого в заголовке словарной статьи именительного нередки в «Азбуковниках». Просмотр древнерусских «словарей» доказывает справедливость этого замечания: таковы формы «арсениконъ, мужественъ победитель»²¹ (греч. ἀρσενικός «мужественный, сильный»²²);

¹³ [Brown F.] The Brown-Driver-Briggs Hebrew and English Lexicon: with an Appendix Containing the Biblical Aramaic. 4th printing. Peabody, 1999 (Originally published in Boston, 1906). P. 338.

¹⁴ Библийские тексты цитируются по изд.: Biblia Hebraica Stuttgartensia. Editio funditus renovata. Ed. K. Elliger, W. Rudolf. Stuttgart, 1977. Septuaginta. Ed. A. Rahlfs. Stuttgart, 1979. Biblia Sacra iuxta Vulgatam versionem. Editio IV, ed. R. Gryson. Stuttgart, 1994. Novum Testamentum Graece et Latine. Editio XXVI. Ed. K. Aland, B. Aland. Stuttgart, 1984.

¹⁵ Сл.РЯ XI—XVII вв. М., 1982. Вып. 9. С. 207.

¹⁶ Там же.

¹⁷ БАН. Арх. д. № 446. XVII в. См. расшифровку в: [Астахина Л. Ю., Романова Г. Я., Державина Е. И., Чернышева М. И.] Указатель источников рукописной древнерусской картотеки (картотеки ДРС) <то есть Картотеки словаря русского языка XI—XVII вв., далее: КДРС. — Р. К.> и Словаря русского языка XI—XVII вв. // Словарь русского языка XI—XVII вв. Справочный выпуск. М., 2001. С. 270.

¹⁸ См.: Ковтун Л. С. 1) Азбуковники XVI—XVII вв. С. 239; 2) Лексикография в Московской Руси XVI — нач. XVII в. С. 297.

¹⁹ Du Cange D., Du Fresne C. Glossarium ad Scriptores mediae & infimae graecitatis. Lugdunii, 1688. T. I. Col. 1197—1198.

²⁰ Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Т. I. Тупицк. Киев, 1910. С. 272, 361, 382.

²¹ Ковтун Л. С. Азбуковники XVI—XVII вв. С. 150.

²² Liddell H.G., Scott R. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1996. P. 246.

«геронда, старецъ»²³ (греч. им. пад. ед. ч.: γέρον «старик», вин. пад.: γέροντα); «тимонъ, стра»²⁴ (греч. им. пад. ед. ч.: τίμος «честь, почет», вин. пад.: τίμον). Особенно выделяются в этом ряду два примера, следующие один за другим в тексте одного из азбуковников (РГБ. Ф. 173 (МДА). № 35. Л. 81): ἀκσιῶς. διστοῖνъ и ἀναξίω²⁵. Недостоннъ²⁵ (греч., соответственно: ἄξιος и ἀνάξιος — возглас клира при посвящении в сан, означающий достоинство или же недостойнство посвящаемого).

Если перечисленные случаи свидетельствуют, скорее всего, о нетвердом знании грамматики, то следующий ниже пример, когда в заголовке словарной статьи использован звательный падеж, — явление того же ряда, что и рассматриваемая форма *полиелеонъ*, показывающая, что древнерусские лексикографы объясняли не слово, а его форму в определенном контексте. Хорошо знакомая русскому слуху греческая фраза εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα, звучащая во время службы всеобщего бдения и оставившая след в русском языке в виде междометия *исполать* или (диалектного) *сполать*²⁶, получила искаженное отражение в словаре сер. XVI в. из сборника Вассиана Кошки (РГБ. Ф. 181 (Муз.). № 1257. Л. 36). В качестве «заголовочной формы» автор словаря избрал зват. пад. δέσποτα. Именно эта форма была важна для книжника, который при составлении словарной статьи придавал грамматике гораздо меньше значения, чем контексту, в котором ему встретилось толкуемая лексема: *деспота. вл^ка / деспота ман. вл^ко мои / исполати ти. многа лѣта*²⁷. Влияние контекста на изменение не только формы слова, но и его морфологических характеристик можно проследить и на примере из греческого языка. Например, название песнопения πολυχρόσιον «многолетие»²⁸ (ср. πολυχρόσιος²⁹ «долговременный, долго существующий, продолжительный») восходит к фразе πολυχρόσιον ποιῆσαι, κύριε ὁ θεός... «многолетним сотвори, Господи, Боже...»

Возможно и иное объяснение формы *полиелейон* в тексте «Книги глаголемой гречески алфавит», использованной в качестве источника в словарной статье **многомилостиво**³⁰. По мнению К. А. Максимовича, форма *полиелейон* может отражать тенденцию греческого языка к образованию литургических терминов на основе субстантивации прилагательных по форме среднего рода (ср. τυπικόν «Устав» или τὸ τρισάγιον «трисвятое», исконно τρισάγιος ὕμνος). Повидимому, именно эта закономерность, как показывает наш материал, и проявляется в самом древнем известном примере употребления слова *полиелей* в качестве литургического термина, отмеченном в Дрезденском списке (XI в.) богослужебного Устава константинопольской Великой Церкви: γίνεταὶ ὁ ὄρθρος ἐν τῷ ἄμβονι καὶ ψάλλεταὶ τὸ πρῶτον τῆς ἡμέρας καὶ ἀντίφωνα β' μετὰ καὶ τοῦ κανῶνος· ψάλλεταὶ δὲ καὶ πολυέλεον καὶ εὐλογεῖτε³¹. Комментируя этот отрывок, М. Н. Скабалланович писал: «на Воздвижение здесь об утрене сказано: “поется τὸ πρῶτον (первое, 1-й антифон?) дня и антифонов 12 с канонем же (μετὰ καὶ τοῦ κανῶνος), поется же и полиелей и Благословите”. Что разумеется здесь под канонем, полиелеем и Благословите <..>, трудно сказать, но едва ли первые два термина имеют нынешний свой смысл»³².

Форма πολυέλεον как вариант к πολυέλεος отмечается в Большом словаре греческого языка Д. Димитракоса, правда, со значением, которое только метонимически связано с литургическим термином, обозначающим церковное песнопение: «люстра либо светильник, используемый в храме»³³.

²³ Ковтун Л. С. Азбуковники XVI—XVII вв. С. 171.

²⁴ Там же. С. 265.

²⁵ Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI—XVII вв. С. 270.

²⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. С. 141.

²⁷ Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI—XVII вв. С. 265.

²⁸ См.: Хориков И. П., Малев М. Г. Новогреческо-русский словарь. М., 1980. С. 641: πολυχρόσιον[ν] τὸ *церк.* мнгая літа.

²⁹ Liddell H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon. P. 1446.

³⁰ Сл.РЯ XI—XVII вв. М., 1982. Вып. 9. С. 207.

³¹ Дмитриевский А. А. Древнейшие патриаршие типиконы: Святогробский Иерусалимский и Великой Константинопольской Церкви. Киев, 1907. С. 281.

³² Скабалланович М. Толковый Типикон. Киев, 1910. Вып. 1. С. 376.

³³ Δημητράκος Δ. Μέγα λεξικόν ὅλης τῆς ἐλληνικῆς γλώσσης. Т. 7. Αθήναι, 1955. Σ. 5959. На метонимию как основу переноса значения с названия песнопения на светильник, зажигаемый во время исполнения гимна, указывается в словаре Д. Дюканжа и Ш. Дюффена: Du Cange D., Du Fresne C. Glossarium ad Scriptores mediae & infimae graecitatis. Т. I. Col. 1198.

(Возможно, что дополнительным фактором переноса значения с песнопения на светильник стала омофония слов πολυέλαιος «светильник» и πολυέλεος (-ν) «полиелей»).

Греческое πολυέλεον , а не πολυέλεος узнается в написаниях одного из древнейших сохранившихся сербских списков Иерусалимского Устава (ок. 1372 г.): πο(λ)[и]ελεῶ (Л. 24 об.)³⁴, а также в формах типа πολιῆελεῶ , встречающихся в «Оке Церковном», древнерусской переработке Иерусалимского устава, выполненной в начале XV в. Афанасием (Высоцким)³⁵ в Константинополе (см. л. 1 об., 20 об., 30, 34 (2 р.), 34 об., 36 об.)³⁶, и в упомянутых в начале статьи «Азбуковниках». Отсутствие последнего согласного в этих написаниях указывает на хорошо известную утрату конечного -ν в «народной» разновидности средневекового греческого языка (*Gemeinsprache*)³⁷. Это явление объясняет морфологическую адаптацию и орфографический облик другого грецизма, сопоставимого по морфонологическим признакам с формой πολιῆελεῶ — **акафисто** [значит] **неседально**, отмеченного в Азбуковнике к. XVI в. (РГБ. Ф. 173/1 (собр. МДА). № 35. Л. 81)³⁸. Отсутствие конечного согласного указывает на субстантивацию прилагательного в сочетании $\acute{\alpha}\kappa\alpha\theta\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ ὕμνος по форме среднего рода * $\acute{\alpha}\kappa\alpha\theta\iota\sigma\tau\omicron\nu$ с последующей утратой конечного -ν. С точки зрения словообразования, этот переход представляет из себя надежную параллель рассмотренному выше примеру: $\tau\omicron$ τρισάγιον «трисвятое» ← τρισάγιος ὕμνος. Такая терминологизация проходила непоследовательно, а исчезновение -ν в средневековом греческом носило народный, стилистически сниженный характер. Поэтому существительное * $\acute{\alpha}\kappa\alpha\theta\iota\sigma\tau\omicron$ (-ν) отсутствует в словарях греческого языка, в том числе историческом, а заголовочная форма лексемы $\acute{\alpha}\kappa\alpha\theta\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ не дополняется в них родовыми и фонетическими вариантами³⁹.

Насколько нам известно, морфологические и фонетические переходы и лексические соответствия типа $\acute{\alpha}\kappa\alpha\theta\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ → * $\acute{\alpha}\kappa\alpha\theta\iota\sigma\tau\omicron\nu$ → * $\acute{\alpha}\kappa\alpha\theta\iota\sigma\tau\omicron$ → **акафисто** и πολυέλεος → πολυέλεον → * πολυέλεο → πολιῆελεῶ еще на рассматривались на славянском материале.

Древнейший литургический смысл песнопения πολυέλεος , или πολυέλεον , упомянутого в Уставе Великой Церкви, специалистам по исторической литургии еще предстоит установить. История же соответствующего греческому πολυέλεος славянского термина начинается с древнерусского слова **многомилостивъин** / **многомилостиве**⁴⁰, встречающегося в тексте Студийско-Алексиевского Устава, введенного на Руси преп. Феодосием Печерским⁴¹. Русские переводы

³⁴ Иерусалимский Устав. РГБ. Ф. 270/II слав. (собр. Севастьянова). № 27 (М. 1458), ок. 1372 г. Эта рукопись — один из самых ранних славянских списков Иерусалимского Устава (см.: Успенский Н. Д. Чин всенощного бдения на православном Востоке и в Русской Церкви (глава VI) // Богословские труды. 1978. Сб. 19. С. 3). См. ее описание и сравнение с другими списками: Викторов А. Собрание рукописей П. П. Севастьянова. М., 1881. С. 47—53.

³⁵ О гипотезах относительно составителя «Ока Церковного» см.: Прохоров Г. М. Афанасий (в миру Андрей) Высоцкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Часть 1. А — К. Л., 1988. С. 80—81.

³⁶ «Око Церковное». РГБ. Ф. 256 (Рум.). № 445, 1428 г.

³⁷ Palmer L. R. Die griechische Sprache: Grundzüge der Sprachgeschichte und der historisch-vergleichenden Grammatik. Innsbruck, 1986. S. 334; Фасмер М. Р. Греко-славянские этюды. II // ИОРЯС. Т. XII. Кн. 2. СПб., 1907. С. 214.

³⁸ Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в. С. 352.

³⁹ Хориков И. П., Малев М. Г. Новогреческо-русский словарь. М., 1980. С. 34. Δημητράκος Δ. Μέγα λεξικὸν ὅλης τῆς ἐλληνικῆς γλώσσης. Τ. 1. Αθήναι, 1949. Σ. 137. Κριαρᾶ Ε. Λεξικό τῆς μεσαιωνικῆς ἐλληνικῆς δημώδους γραμματείας. 1110—1669. Τόμος Α'. Θεσσαλονίκη, 1969. Σ. 142.

⁴⁰ В старославянских текстах слово **полвелеи** отсутствует, а слово **многомилостивъ** не связано с литургической терминологией: Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков). Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994. С. 335. Slovník jazyka staroslovmského. Sv. 18. Praha, 1968. S. 240.

⁴¹ В Лаврентьевской летописи об этом повествуется так: «[1051] И шербѣтеса тогда Миханъ чернецъ монастыря Студинскаго иже бѣ пришеа изъ Грекъ с митрополитомъ Георгиемъ: и нача оу него искати оустава: чернецъ Студинскы(х) и шербѣтъ оу него и списа: и оустави въ монастыри своемъ» (Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Том первый. М., 1997 (репринт изд. 1926—1928 гг., с дополнениями), стлб. 160). В Житии преп. Феодосия сведения относительно принятия Студийского устава несколько иные: «[Феодосий] посла единого отъ братниа въ константинь градъ къ ефремоу скопцо: да весь оуставъ студинскааго монастыря испсавъ прислетъ емоу: онъ же прѣдобнаго оца нашего повелѣнаа тоу авне и створи: и весь оуставъ монастырьскыи испсавъ и посла къ блженому оцу нашему феодосию: и его же приимъ оцъ нашъ феодоси повелѣ почисти предъ братню: и ѿтолѣ начатъ въ своемъ монастыри вса строити по оуставоу монастыря студинскааго: тако же и донынѣ есть» (Успенский сборник XII—XIII вв. Изд.: О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон; под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 89 (Л. 37622—3767)).

Студийского устава отражают практику богослужения константинопольской Великой церкви, какой она была при патриархе Алексии Студите (1025—1043) в монастыре Успения Богородицы, основанном им в 1034 г. близ Константинополя⁴², поэтому восточнославянская редакция Студийского устава называется *Студийско-Алексиевской*⁴³. Состав песнопения, названного словом **многомилостивѣи**, определяется в его богослужебных главах. Согласно им так называлась звучавшая на утрени первая слава рядовой 19-й кафизмы, пение которой не было связано ни с праздником, ни с воскресным днем. Заклучая подробное описание соответствующей части утрени, составитель Устава обобщает: «**тако оубо първага сла(в) • ѿ • ка(ѿ) • сирѣ(ч) • мно/гомл(с)твѣ • и поѣтъ (с) •**»⁴⁴ — «таким образом поется первая слава 19-й кафизмы, то есть «(о,) многомилостивый». Первая слава 19-й кафизмы состоит из псалмов 134, 135 и 136. Свое греческое название — *πολυέλεος* — песнопение получило благодаря рефрену 135-го псалма: ὅτι εἰς τὸν αἰῶνα τὸ ἔλεος αὐτοῦ «ибо вовек милость Его»⁴⁵.

В Студийско-Алексиевском Уставе греческое *πολυέλεος* передано двояко: **многомл(с)твѣи** (1 раз) и **многомл(с)твѣ** (8 раз). (Сокращенные написания **многомл(с)твѣ** или **многомл(с)т** •⁴⁶, встречающиеся только в конце строки, не могут быть однозначно отнесены к той или иной группе). Первая, однажды встреченная форма точно отражает грамматический род соответствующего греческого термина, вторая же передает специфическое древнерусское наименование песнопения. Эта форма звательного падежа отсутствует в тексте первой славы 19-й кафизмы, но часто встречается в других многочисленных молитвословиях. Древнейший пример ее употребления, согласно данным Картотеки словаря древнерусского языка (КДРС), встречается в 3-м тропаре 6-й песни канона апостолу Андрею, вошедшего в состав новгородской служебной минеи 1097 г.: **дѣлготърпѣливѣ бѣ и многомлѣстивѣ, помилуи мѧ и оубедри. и обрати разоумѣмь лоукавѣмь тебе бл҃гого раздражышаго, славынѣи аплъ твои молитъ тѧ**⁴⁷. В хорошо известном ирмосе 1-го гласа 6-й песни, тематически соответствующем библейской песни пророка Ионы и встречающемся уже в рукописи XII в., звучит то же обращение: **Житнискаго моря. възви//занѣма <так!> зѣрѧ напастни // боубрею. въз тихо пристани//ще притекъ. възпню ти въз//звѣди. ис тѧ животъ мо//и. многомилостивѣ** (*ἀνάγαγε ἐκ φθορᾶς τῆν ζωὴν μου, πολυέλεε*)⁴⁸. Ряд примеров можно продолжать долго, завершим его молитвословием заупокойной службы: **Ѥдинѣ многомлѣтвѣ бл҃гоубтрѣбнѣ. имѣѧ непостижимѣю бл҃гости пѣчинѣ <..> престѧвленнаго Ѡ на^с покои**⁴⁹.

Наряду с песнопением **многомилостивѣи** (**многомилостивѣ**) Студийско-Алексиевского Устава в древнерусской богослужебной терминологии был известен (искаженный?) термин **полмѣли**, называющий один 135-й псалом. Единственный известный пример употребления этого слова встречается в тексте Благовещенского, или Нижегородского, кондакаря кон. XII (?) — нач. XIII в. (ГПБ, Q.п.1.32). Песнопение, названное словом **ПОЛІ ІЄЛИ**⁵⁰ (пропущено **ѣ** перед **и?**), находится

⁴² О патриархе Алексии Студите см.: Кузенкова П. В. Алексей <так!> Студит // Православная энциклопедия. Т. I. А — Алексей Студит. М., 2000. С. 722.

⁴³ О его истории см.: Пентковский А. М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001. С. 155—222.

⁴⁴ Там же. С. 405.

⁴⁵ Скабалланович М. Толковый Типикон. С. 405. Самый полный список Студийско-Алексиевского устава, исследованный и изданный А. М. Пентковским, — рукопись ГИМ. Син. № 330/380 (XII—XIII вв.); последование утрени описывается на л. 256 об. — 258 об.

⁴⁶ См.: Пентковский А. М. Типикон патриарха Алексея Студита в Византии и на Руси. С. 405—406.

⁴⁷ Ягич И. В. Служебные мины за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг. СПб., 1886. С. 498.

⁴⁸ Ирмологий к. XII в. (РГАДА. Ф. 381 (Син. тип.), № 150) цит. по изд.: Die ältesten Novgoroder Hirmilogen-Fragmente. Hrsg. von E. Koschmider. München, 1952. S. 192.

⁴⁹ Требник II пол. XVI в. (БАН. Арх.д., № 72. Л. 154) цит. по КДРС.

⁵⁰ **ІѢ** (без соединительной линии) передано по публикации; о таких написаниях см.: Каринский Н. М. Образцы письма древнейшего периода русской книги. Л., 1925. С. 13.

на л. 107—114 рукописи, опубликовано оно протоиереем М. Лисицыным⁵¹. Текст публикации свидетельствует об ошибке, допущенной в «Сводном каталоге славяно-русских рукописей, хранящихся в СССР», где содержится следующая информация: «л. 107—114 об. — полиелей (содержит отдельные стихи 134-го и 135-го псалмов на 8 гласов)»⁵². На указанных листах рукописи, согласно публикации М. Лисицына, не встречается ни одного стиха 134-го псалма, но содержится лишь особым образом распетый 135-й псалом, в состав которого входит рефрен **ако въ вѣкъ милость его**. А. М. Пентковский, специально обративший внимание на это **ПОЛІ ЕЛИ**, истоки которого до конца не ясны⁵³, соотнес его с песнопением **полѣлы**, состоящим также из одного только 135-го псалма и найденным им в новгородском Прологе второй половины XIV в. (ГИМ. Син. 247. Л. 13). Это песнопение входило в состав чинопоследования, совершавшегося в Неделю святых прототцев и сопоставимого с чином «пещного действия», известного по более поздним источникам⁵⁴.

Таким образом, в древнерусской литургической терминологии до появления Иерусалимского Устава существовали два термина, восходящие к греческому πολυέλεος : 1) **многомилостиве** (или **многомилостивын**), означавший в Студийско-Алексиевском Уставе первую славу рядовой 19-й кафизмы, и 2) сохранившийся в искаженном виде **полиели** (**полѣлы**), называвший один 135-й псалом, который мог входить в состав разных чинопоследований.

С XI в. на Востоке начинает распространяться устав по чину Палестинской (близ Иерусалима) лавры св. Саввы⁵⁵. «В начале XIII века в Сербии служба проводилась уже по Иерусалимскому Уставу»⁵⁶, а «к XIV в. <..> принадлежат и древнейшие славянские переводы Иерусалимского устава, сделанные в России <..> При Киприане <..> сделана первая попытка русской переработки Иерусалимского устава в лице “Ока Церковного”»⁵⁷. Впервые Иерусалимский устав появился в Москве, откуда он распространился далее в монастырь Саввы Сторожевского (1428 г.), в Троице-Сергиеву Лавру (1429 г.), в Тверь (1438 г.) и Соловецкий монастырь (1494 г.)⁵⁸.

В результате вытеснения славянской литургической терминологии греческой, которое особенно интенсивно проходило после падения в 1018 г. Первого Болгарского царства, в болгарских богослужебных рукописях с XIII в. «появляется большое число “новых” грецизмов, таких, как **профитна**, **метимонъ**, а также **полиелео**»⁵⁹. В этой последней форме греческий термин *полиелей* отмечен нами в одной из сербских редакций Иерусалимского Устава, представленной в рукописи ок. 1372 г.⁶⁰: **по(л)[и]елеѡ** (л. 24 об.). Впрочем, для сербской редакции, представленной в этой рукописи, более характерна форма **полиѣлен** (л. 16) (**полѣлен**, л. 36; **полѣлен**, там же; ср. также (недописанное?) **полиеле**, л. 61), которая, кстати, соответствует современному русскому *полиелей*.

Древнерусская литургическая терминология, содержание которой с XIV в. основывается на Иерусалимском Уставе, унаследовала со славянского юга и термин **полиѣлеѡ**. В такой форме

⁵¹ Лисицын М., прот. Первоначальный славяно-русский Типикон. Историко-археологическое исследование. СПб., 1911. С. 79—82.

⁵² Сводный каталог славяно-русских рукописей, хранящихся в СССР (XI—XIII вв.). М., 1984. С. 170 (№ 153).

⁵³ Параллели ему встречаются в некоторых типиконах Южной Италии, в которых 135-й псалом имел специальное название — *полиелей* (δ πολυέλεος) — и входил в состав праздничных антифонов. См.: Пентковский А. М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. С. 144.

⁵⁴ Там же. С. 213.

⁵⁵ Скабалланович М. Толковый Типикон. С. 410.

⁵⁶ Мансветов И. Церковный Устав (Типик), его образование и судьба в греческой и русской церкви. М., 1885. С. 266.

⁵⁷ Скабалланович М. Толковый Типикон. С. 410.

⁵⁸ См. о распространении Иерусалимского Устава у славян в кн.: Мансветов И. Церковный Устав (Типик), его образование и судьба в греческой и русской церкви. М., 1885. С. 265—365. Из последних работ см., напр.: Успенский Н. Д. Чин всенощного бдения на православном Востоке и в Русской Церкви. С. 3—70.

⁵⁹ См.: Пентковский А. М. Литургическая терминология в византийско-славянской контактной зоне // Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего средневековья: («Славяне и их соседи». XX конференция памяти В. Д. Королюка). М., 2001. С. 87—90.

⁶⁰ Иерусалимский Устав. РГБ. Ф. 270/II слав. № 27.

именительного падежа он встречается в уже упомянутом выше «Оке Церковном» (см. л. 1 об., 20 об., 30, 34 (2 р.), 34 об., 36 об.),⁶¹ представляющем из себя, по И. Мансветову, III славянскую редакцию Иерусалимского Устава⁶². Морфологическая адаптация грецизма *πολιελεο*, появившаяся в результате рассмотренного выше перехода *πολυελεος* → *πολυελεον* → *πολυελεο → *полиѣлеѡ*, была необычна для древнерусского языка, чем, возможно, объясняются описки в оглавлении «Ока Церковного», где дважды на л. 3 отмечено написание *полиѣло* (и *полиѣлоу*). В родительном падеже слово *полиѣлеѡ* встречается в этой рукописи в уже привычной для современного слуха форме *полиѣлеа* (л. 34 об., 35).

Параллельно с грецизмом *полиѣлеѡ* в III древнерусской редакции Иерусалимского Устава используется и унаследованное из более ранней студийско-алексиевской традиции субстантивированное прилагательное *многомилостивѡ*⁶³: ѡ стѣмъ ѡмѣци(м) полиѣлеѡ. и празноуѣмоу на ·и· <то есть которому поется восемь стихир на Господи воззвах> ѡце слоу(ч)тса в соу(б)подобае(т), вѣ(д)[ѣ]ти, ѡко ѡце слоучитъ(с) стѣни, в соу(б) ѡмѣиан многом(с)тивъ, ѡ празноуѣтъ(с) на ·и· не поеть(с) кано(н).⁶⁴ Отголосок студийско-алексиевской традиции звучит даже в Словаре протоиерея Г. М. Дьяченко: «Многомѣлостивѣ <так!> = название *полиелей*, указывающее на то, что во время пения полиелейных стихов обильно возжигается елей и часто повторяются слова: “яко во век милость Его”»⁶⁵.

Содержание терминов *полиѣлеѡ* и *многомилостивѣ* в источниках Иерусалимского Устава не меняется, так как рукописи, «в противоположность Студийским уставам <...> дают однообразный и тождественный с нынешним строй вечерни и утрени»⁶⁶. Значение греческого термина *πολυελεος*, как он предстает в действующем по сегодняшний день Иерусалимском Уставе, попытались объяснить еще в конце XVII в. монахи-бенедиктинцы и лексикографы Д. Дюканж и Ш. Дюфрен: «*ΠΟΛΥΕΛΕΟΣ*, dictus Psalmus 134 <..> Sicque appellatus, quod cum canitur, eodem tempore Psalmus alius 135 accinitur: ἔξομολογεῖσθε τῷ κυρίῳ τῶν κυρίων, ὅτι εἰς τὸν αἰῶνα τὸ ἔλεος αὐτοῦ»⁶⁷ — «полиелеем называется 134 псалом <..> Назван он так потому, что вместе с ним исполняется и иной псалом, 135: “Славьте Господа господствующих, ибо вовек милость Его”». Связь между происхождением слова *πολυελεος* и рефреном 135-го псалма усматривал и Е. А. Софоклес, который, правда, считал, что полиелей — это не 134-й псалом, как указывали Д. Дюканж и Ш. Дюфрен, а 135-й, «потому что слово ἔλεος “милость” появляется в конце каждого стиха <этого псалма — Р. К.>. Он <то есть псалом — Р. К.> образует часть ὄρθρος»⁶⁸ — утрени. Определение Е. А. Софоклеса верно лишь отчасти, так как только в некоторых студийских Типиконах южной Италии один 135-й псалом помещается в качестве праздничного антифона на утрени и называется *πολυελεος*⁶⁹, на что Е. А. Софоклес не указал.

Согласно Иерусалимскому Уставу, «полмелей» (*πολυελεος*), по-русски “многомилостивое” (от *πολύς* “многий” и *ἔλεος* “милость” <— это песнопение, которое> состоит из псалмов 134 <..> и 135 <..>. От частого повторения в 135 псалме слов “яко в век милость Его” — пение получило название: полмелей»⁷⁰. Полиелей поется в средние церковные праздники, то есть в те, выше которых

⁶¹ «Око Церковное». РГБ. Ф. 256. № 445.

⁶² См.: Мансветов И. Церковный Устав (Типик), его образование и судьба в греческой и русской церкви. С. 275—280.

⁶³ Характерной особенностью III древнерусской редакции это *многомилостивѣ* считал И. Мансветов: Мансветов И. Церковный Устав (Типик), его образование и судьба в греческой и русской церкви. С. 279.

⁶⁴ «Око Церковное». РГБ. Ф. 256. № 445. Л. 20 об.

⁶⁵ Дьяченко Г. М. Полный церковно-славянский словарь. С. 310. Источник и греческая параллель в данной словарной статье не указаны.

⁶⁶ Скабалланович М. Толковый Типикон. С. 416.

⁶⁷ Du Cange D., Du Fresne C. Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis. Т. 1. Col. 1197—1198.

⁶⁸ Sophocles E. A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods. New York, 1900. P. 905.

⁶⁹ Скабалланович М. Толковый Типикон. С. 406.

⁷⁰ Никольский К., прот. Пособие к изучению Устава богослужения Православной Церкви. СПб., 1907. С. 729. В примечании протоиерей К. Никольский добавляет: «Многие слово *полмелей* переводят словом *многомаслие*, полагая, что так именуется песнопение потому, что при пении его Уставом положено возжигать много свечей елей (Тип., гл. 24, 25), но при этом смешивают слова ἔλεος — милость и ἔλαιον — елей. В Типиконе обозначено: “полмелей, сиречь многомилостивое *πολυελεος*, а не *многомаслие*” (Тип., гл. 17 *πολυελεος*)» (там же).

бывают только Богородичные и Господские, а также в воскресные дни между 22 сентября и 20 декабря, по старому стилю, то есть после отдания праздника Воздвижения до предпразднества Рождества Христова, а также между 14 (27) января, после отдания Крещения, и сырной неделей, последней перед Великим постом, а от сырной недели до 21 сентября (4 октября) полиелей поется в те воскресные дни, на которые приходится Господские или Богородичные праздники, или праздники великого святого⁷¹.

К сожалению, в Словаре русского языка XI—XVII вв. мы находим определение термина *полиелей*, наследующее ошибки русских лексикографов XIX в. и добавляющее новые: «Часть праздничной всенощной службы или утрени, во время которой в храме зажигаются многочисленные светильники и которая сопровождается помазанием верующих елеем (ср. греч. ὁ πολυέλαιος “многомаслие”）」⁷². Новая ошибка здесь в том, что, хотя во время праздничной утрени, согласно Иерусалимскому Уставу, и совершается помазание елеем, оно происходит не одновременно с пением полиелейных псалмов и обычно бывает после чтения Евангелия и молитвы «Спаси, Боже, люди Твоя» «и иногда заменяет собою то помазание елеем, которое, по уставу Церкви, положено совершать в притворе <...> после отпуска утрени — елеем от кандила иконы праздника или святого»⁷³. Поэтому соотнесение древнерусского *полиелеосъ* и греческого πολυέλαιος справедливо лишь по отношению к елею возжигаемых светильников, и то на основе метонимии, которая к тому же имела место только на греческой почве⁷⁴.

Исходя из тех знаний, которыми обладает историческая литургика, правильное определение первых значений древнерусского литургического термина *полиелей* должно было бы быть таким: «Согласно Студийско-Алексиевскому уставу, песнопение на всякой утрени, состоящее из первой славы (т. е. 134-го, 135-го и 136-го псалмов) рядовой 19-й кафизмы; согласно Иерусалимскому уставу, песнопение, состоящее из 134-го и 135-го псалмов на утрени в средний церковный праздник (ср. греч. πολυέλεος)».

В первом, основном значении слово *полиелеос* встречается в древнейшем из дошедших до нас списков Печерского Патерика (Арсениевская редакция, первый вид,⁷⁵ (РНБ. (Ф. 560) Q.п.

⁷¹ См.: Никольский К., прот. Пособие к изучению Устава богослужения Православной Церкви. С. 279—280.

⁷² Сл.РЯ XI—XVII вв. Вып. 16. С. 217.

⁷³ Никольский К., прот. Пособие к изучению Устава богослужения Православной Церкви. С. 229.

⁷⁴ Выше указывалось, что в результате метонимического переноса греч. πολυέλεος, -ο(ν) получило значение «церковная люстра либо светильник» (см.: Δημητράκος Δ. Μέγα λεξικόν ὅλης τῆς ἐλληνικῆς γλώσσης. Τ. 7. Σ. 5959; Du Cange D., Du Fresne C. Glossarium ad Scriptores mediae & infimae graecitatis. T. I. Col. 1198), при этом вариант мужского рода πολυέλεος совпал по звучанию с более старым словом πολυέλαιος «светильник», впервые отмеченным у Константина Багрянородного (Sophocles E. A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods. P. 905) и сохраняющимся в современном греческом языке (Хориков И. П., Малев М. Г. Новогреческо-русский словарь. М., 1980. С. 639). Без греческого оригинала нельзя сказать, какая из трех лексем — πολυέλεος, πολυέλεον, πολυέλαιος — стала источником для уникального в древнерусской письменности слова *полиелей* «церковная люстра, светильник», отмеченного авторами Словаря русского языка XI—XVII вв. (см.: Сл.РЯ XI—XVII вв. Вып. 16. С. 217) единственный раз в переводе «Проскинитария» Арсения Калуды, выполненном Евфимием Чудовским: «Висять на трех веризехъ единъ полиелей мѣднѣй краснѣйшій съ свѣщники 16 и съ 12 апостолы». (Проскинитарий святых мест святого града Иерусалима. На греческом языке написал критянин иеромонах Арсений Калуда и напечатал в Венеции в 1679 году / С греческого на славянский диалект перевел чудовской монах Евфимий в 1686 году. Сообщ. арх. Леонид. (= Памятники древней письменности и искусства. № 46). СПб., 1883. С. 21). В сочинении чудовского иеродиакона Дамаскина, составившего в 1701—1706 г. описание Афона и Соловецкого монастыря, отмечен грецизм *полвелейонъ* («полвелейонъ дивный»; см.: Афонская гора и Соловецкий монастырь. Труды чудовского иеродиакона Дамаскина (1701—1706) / Сообщил арх. Леонид. (= Памятники древней письменности. № 43). СПб., 1883. С. 21), который, вероятнее всего, указывает на греч. πολυέλεον «церковная люстра либо светильник» как источник заимствования. Строго говоря, греческая метонимия не прошла полностью бесследно для русской письменности, однако и *полиелей* «церковная люстра», и *полиелейон* так и остались окказионализмами в трудах тяготевших к буквализму книжников чудовской школы, в русской лексике не удержались и были вытеснены более распространенным грецизмом *паникадило*, о котором см.: Добродомов И. Г. 1) Вариативность лексемы в диахронии и синхронии: Форма и семантика грецизма паникадило // Языковые и речевые единицы в лексике и фразеологии русского языка. Курск, 1986. С. 158—162; 2) Люстра и ее «конкурент» // Русская речь. 1988. № 3. С. 133—137.

⁷⁵ См.: Ольшевская Л. А. Типолого-текстологический анализ списков и редакций // Древнерусские патерики. Изд.: Л. А. Ольшевская и С. Н. Травников. М., 1999. С. 269—280 (литература).

I.31; 1406 г.). Текст патерика открывается в этой рукописи службой преподобному Феодосию, где так описана интересующая нас часть утрени: «<..> богородичень гласу. На заутрени стихология обычная бывает, полелеосъ <так!> начинаемъ. Степенна, антифонъ 1»⁷⁶. В том же значении слово *полиелеос* встречается у Арсения Суханова и в описании патриарших выходов: «<..> и сядуть и поють сѣдальны и полелеосъ, потомъ вставъ поють степенныя <..>» (1653 год)⁷⁷; «Лѣта 7177, сентября в 1 день <..> на память преподобного Симиона <так!> Столпника и матере его Марѣы <..> пѣли [на всенощномъ бдении] Новому Лѣту, да преподобному Симеону да Марѣѣ, пѣли съ полелеосомъ и величаніемъ»⁷⁸.

На основе метонимии *полиелеосом* стала называться вся часть службы, во время которой поют положенные псалмы и зажигают светильники: *ѡце (л)[и] слоу(ч)тса стѣни, въ вѣркѣ и в чѣкѣмѣи полнелеѡ, ѡмъ рывоу*⁷⁹; «<..> два псалма иже на полелеосѣ, на конце «слава и нынѣ» (1653 г.)»⁸⁰; «На всенощномъ бдении на полиелеосѣ <так!> облачался и служил божественную литургию великий государь святѣйшии Никон патриархъ (1657 г.)»⁸¹.

Поскольку 134-й и 135-й псалмы поются только в праздники, определенные Иерусалимским Уставом, то словом *полиелеос*, а затем *полиелей* стал называться и сам день, в который на утрени поют положенные псалмы и зажигают все светильники, то есть средний церковный праздник: «Перваго канона ирмосъ однажды без запѣва, аще ли суббота или полелеосъ, то по дважды ирмосъ безъ запѣва; аще кромѣ субботы и полелеоса, тропарь, ирмосъ (1653 год)»⁸². Последнее значение отражено и в Словаре В. И. Даля и в «Словаре церковнославянского и русского языка» (1867 г.).

(Продолжение — в следующем номере журнала)

⁷⁶ Патерик Киевского Печерского монастыря. Изд. и под ред. Д. И. Абрамовича. СПб., 1911. С. 138. В издании «Древнерусские патерики» (Изд.: Л. А. Ольшевская и С. Н. Травников. М., 1999) служба преподобному Феодосию отсутствует.

⁷⁷ Проскинитарий Арсения Суханова / Под ред. Н. И. Ивановского // Православный палестинский сборник. Вып. 21. СПб., 1889. Т. VII. Вып. 3. Прил. II. С. 226.

⁷⁸ Выходы патриаршие // Дополнения к актам историческим. Т. V. СПб., 1853. С. 134.

⁷⁹ «Око Церковное». РГБ. Ф. 256. № 445. Л. 36 об.

⁸⁰ Проскинитарий Арсения Суханова. С. 226.

⁸¹ Белокуров С. А. Дневальные записки Приказа тайных дел 7165—7183 гг. // ЧОИДР. 1908. Кн. 1 (224), Отд. 1. С. 20.

⁸² Проскинитарий Арсения Суханова. С. 226.

